

Антон Балотэ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ (XII—XIV ВВ.) О ДРЕВНОСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ЮЖНО- СЛАВЯНСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Никифор Грегорас весной 1328 года отправился в путешествие из Византии ко двору сербского короля *Стефана Дечанского*. Описывая свое путешествие, он рассказывает о том, как однажды вечером, на одной из остановок по пути из *Струмы* в *Струмицу*,

...ἦσαν οἱ φωναῖς ἐχρῶντο καὶ μέλεσι τραγικοῖς ἦδον δ' ἄρα κλέα ἀνδρῶν, ὧν οἶον κλέος ἀκούομεν, οὐδέ τοι ἴδμεν¹.

Данный текст очень ясен и точен: он свидетельствует о том, что в 1328 году на территории, занятой южнославянским населением, между *Струмой* и *Струмицей*, распевались героические песни.

По свидетельству *Григория Цамблака*, который писал в начале XV века, два года спустя сложились «победные песни» в честь победителя при Вельбудже (1330 г.), короля *Стефана Дечанского*:

ПОБЕДИТЕЛЬ ЖЕ СТЕФАНЪ СВѢТЛЫМЪ КРАСѢ СЕ ПОБѢДАМИ КЪ
СКОДѢ ВЪЗВРАТИ СЕ СРЕТАЮЩЕМЪ ТВОГО НАРѢДОМЪ И ПОБѢДЫМИ
И ПѢСНЬМИ КЪНЧАВАЮЩЕМЪ ВЪСХЛАЛАЮЩЕМЪ, ЧЮДЯЩЕМЪ СЕ БЛАГО-
ДАРЕЦЕМЪ БОГА ИАКО ТАКОГО ЦАРА СТЕЖАХОУ².

Литературоведы, исследующие южнославянскую героическую песню, в отличие от историков, считают, что эти данные не достаточны для установления древности сербского и болгарского эпического творчества, ибо первое сведение ничего не говорит о том на каком именно языке слышал *Никифор Грегорас* упомянутые песни, хотя вполне ясно, что в тот период между *Струмой* и *Струмицей* они могли распеваться лишь на одном из двух южнославян-

¹ *Byzantina Historia*, editio L. Schopen, Bonn, 1829, p. 377, VIII, 14.

² J. Šafařík, *Жизнь князя Стефана Дечанского* — u *Glasnik društva srpske slovenosti*, XI, Белград, 1859, s. 75.

ских языков: болгарском или сербском; а второе сведение не раскрывает характера *победных песен* в виду того, что их содержание, носящее религиозный отпечаток, может быть доказательством того, что это были церковные песнопения.

Для правильного понимания вышеприведенных слов Цамблака надо заметить, что в его описании приема, устроенного Стефану Дечанскому, предложения с смысловой точки зрения не связаны одно с другим. В первом говорится о приеме короля с обычным церемониалом исполнения победных песен, а во втором в церковном духе, вполне присуще агиографическому произведению, выражается радость.

Сущность «победных песен», распеваемых по случаю приема, устроенного победителю при *Вельбудже*, пока нечетко раскрыта в сообщении Григория Цамблака; их характерные особенности проявляются в более поздней сербской героической поэзии.

«Победные песни», цитируемые Григорием Цамблаком, не бывшем очевидцем описываемых событий, — в силу обычая, укоренившегося в южнославянском феодальном обществе, разумеется, были похожи на другие песни, распевавшиеся в подобного рода случаях. Хотя такого рода случаи, известные нам, относятся к более позднему времени, а именно к периоду выступления сербского народа против турок в начале XIX столетия, все же повторяемость их доказывает, что устный эпос представлял собой обычное литературное явление, свойственное сербской устной культуре в условиях, упомянутых Цамблаком.

Баллады, которые по свидетельству *Карагеоргия*, распевались на празднествах, устроенных Вельчио Петровичем³, на пиршествах *Стефана Купича*⁴, а также и на полях битвы, несомненно были «победными», героическими песнями, о чем свидетельствуют формы, вошедшие в фольклорный обиход.

Однако, литературоведы, исследующие славянский эпос, рассматривают это явление только в пределах зарегистрированных поэтических форм, а не в документально-исторических рамках. А эти формы вообще не переходят границ XVIII века. В виду того, что они не содержат в себе повествований о событиях, имевших место до конца XIV века (что вполне естественно, так как эпические произведения не превышают давности трех столетий), литературоведы рассматривают период турецких завоеваний, которые ярко отражены в зарегистрированных песнях, как эпоху самого отдаленного южнославянского эпического творчества.

³ Chopin et Ubicini, — *Les Provinces danubiennes*, Париж, 1895, p. 455.

⁴ Vuk Stephanovici, *Chants populaires des Serbiens*, tr. par E. Voiart, II, p. 260. Цитируемое примечание, несомненно, принадлежит Вуку Караджичу. Мы приводим его в переводе на французском языке, так как в имеющемся у нас единственном издании труда Караджича отсутствует баллада «Песня о битве при Саласфело» (март 1806).

В сербских, как равно и в болгарских стихах, встречаются старинные имена: *Растко Неманья* (ум. в 1236 году) в образе *Св. Саввы*, и *Неманья* (ум. в 1200 г.), в образе царя *Симеона*.

Неманья представляется царем, следовательно, показывается в политической обстановке, не соответствовавшей его времени. Он жил в эпоху, когда *Стефан Душан* принял царский титул.

Собственное имя, которое дается ему в стихах, а именно — *Симеон* и которое он носил в монашестве, а также и та миссия, которая приписывается ему в поэтическом повествовании⁵, доказывают, что баллады, в которых он воспевается, не восходят к XIII веку и, следовательно, не могут служить подтверждением давности южнославянского эпического творчества.

Такого рода песни являются результатом литературной деятельности сербской церкви, которая, канонизируя многих царей из рода *Неманья*, воспела феодальное прошлое и облекла в свои собственные литературные формы политическое и культурное рыцарское наследие.

Однако, то, что является бесспорным в отношении стихов о *Неманьи*, наоборот весьма спорно и сомнительно, что касается стихов о *Св. Савве*, несмотря на то, что формально в них преобладают церковно-литературные ценности.

Древность этих баллад, допускаемая историками⁶, но оспариваемая литературоведами⁷, подтверждается жизнеописанием *Растко Неманьи*, написанном в 1253 году, то есть спустя почти два десятилетия после его смерти, — монахом *Доментианом*.

Повествование о событиях, имевших место в связи с пострижением в монашество *Растко*, связанных с его бегством и посольством, отправленным с целью увести его с *Афонской* горы, о сопротивлении *Растко*, о возвращении посольства, о гневе и печали родителей, заканчивается следующими словами:

остали пак љѣди, напојени скетим дѣхом, смислише песме,
па их тѣгѣјѣи пекаѣ о одласкѣ богомѣдрога младића⁸.

Если рассматривать этот текст отдельно, он может показаться сомнительным доказательством существования сербской эпической песни в XIII веке в виду того, что песни, составленные «боговдохновенными» авторами могли быть просто церковными гимнами.

⁵ Vuk Karadžić, Српске народне pjesme, — II, 20.

⁶ С. Jireček, Историја срба, IV, Белград, 1925, р. 157.

⁷ Т. Marešić, Naša narodna epika, Загреб. 1909, р. 163—165.

⁸ В виду того, что в наших библиотеках не находятся произведения *Доментиана*, цитируем этот текст по изданию *Иована Н. Томича*: О српским народним песмама о одласку св. Саве у калуђере, и «Glas srpske kraljevske Akademije», LXXXIV 50, Белград, 1910, р. 161.

В первую очередь, следует обратить внимание на тот момент, на который указывает сам биограф, как на момент составления песни о пострижении *Растко*, а именно — возвращение послов, отправленных *Неманьем* с целью привести сына-беглеца обратно домой, после чего огорченные родители облачаются в траурные одеяния. Песни, цитируемые в тексте, явно не имеют ничего общего с монашеским миром и принадлежат феодальному придворному окружению.

Мистическую формулу, к которой прибегает *Доментиан*, следует рассматривать как простое украшательство в стилистических целях, вполне естественное и необходимое во всяком агиографическом сочинении.

Впрочем и сам автор подтверждает это, упоминая о существовании, наряду с придворными песнями, и некоего предания о пострижении в монашество молодого кралеви́ча, что характерно для традиций *Афонской горы*:

скоруъ збо савхъ во ксей скѣтѣй горѣ разшедшъ сѧ, тако
сынъ келкаго князѧ стефана самодержца сербскаго, славни
царствѣющаго отца своего оставилъ иноческое житїе и селиткѧ
возлюбивъ прїиде къ намъ и швѣчсѧ къ скѣтѣй яггелскѣи
образ. кси жѣлахъ видѣти его⁹.

На этих двух преданиях, несомненно, основывается сведение, сообщаемое *Доментианом*, который не был очевидцем данного события, а писал свое сочинение через два поколения после его совершения.

Здесь, с одной стороны, весьма показательно, что в повествовании монаха совсем не упоминается о тех фактах, которые обусловили события, а с другой стороны, то обстоятельство, что содержание данного агиографического сочинения носит, несомненно, эпический характер, присущий и фольклорным песням, зарегистрированным в прошлом столетии.

Пострижение в монашество *Растко Неманьи* не представляло собой мистического акта, а, наоборот, было результатом вполне обдуманного решения, необходимого для разрешения весьма важного государственного вопроса.

Политический характер этого события в первую очередь заключался в том, что преемники *Растко Неманьи* на престоле митрополита, учрежденном им, были или из династии *Неманья*¹⁰, или же представителями крупных сербских феодальных родов.

Плод его стараний — сербская митрополия — являлась как бы предверием королевской власти согласно средневековому мировоззрению и практике, откуда и королевский титул, который он присвоил себе в качестве архиепископа:

по милости божней архиепископъ в кьскѣхъ српскимъ и
поморскимъ земьля¹¹.

⁹ F. Chodzko, *Legendes slaves du Mont Athos*, Париж, 1858, p. 16—17.

¹⁰ C. Jireček, *op. cit.*, III, p. 76.

¹¹ *Ibidem*.

Ради этого он, оставив покой монашеской жизни, совершает ряд трудных путешествий и ведет долгие переговоры с *Византией*, что предшествовало и содействовало возведению *Сербии* на высокую ступень королевства. Политический характер миссии, которую возглавил молодой *Неманья*, ясно виден и из его вмешательства в споры из-за королевской власти, происходившие между его старшими братьями в виду того, что это угрожало существованию сербского королевства, созданного им.

Повествование *Доментiana* об уходе *Растко* в монастырь представляется в следующем виде:

Неманья и *Анна*, не имея сыновей, усердно молятся, и, наконец, у них рождается *Растко*. По прошествии многих лет, в то время как родители помышляют о его женитьбе, благочестивый юноша покидает отчий дом и уходит на *Афон*, где принимает монашество.

Характер источников, использованных автором, ясно и определенно указывается самим содержанием данного произведения, которое по существу сводится к эпизоду пострига в монашество, навеянному литературными источниками. И действительно, несмотря на то, что *Доментian* знает о существовании двух старших братьев архиепископа *Саввы*, так как рассказывает о его вмешательстве в их споры о наследии королевской власти, все же в эпизоде пострижения его в монашество он представлен как единственный сын, который был дарован его родителям свыше в виду их усердных молитв и обетов.

Это является первым указанием на то, что данное повествование представляет собой лишь литературную ценность, подобно легенде об *Алексии, человеке Божьем*, которая дополняется другими эпизодами и, главным образом, эпизодами пострижения молодого феодала в монашество, в то время как его родители уже помышляли о его женитьбе.

Таким образом, книжное предание о пострижении *Растко Неманья*, относящееся к 1253 году, в своей основе имеет литературное происхождение, вероятно, какую-нибудь эпическую песню, одну из тех, о которой упоминает сам *Доментian*, подчеркивая, что она была сочинена в связи с этим событием. Для самого эпизода пострига в монашество характерны наряду с поэтической темой обычная техника устного южнославянского эпоса: литературная обработка выдающегося события, умелое использование средств художественной выразительности.

Принципы литературного оформления, по всей вероятности, были заимствованы из легенды об *Алексии, человеке Божьем*.

В пользу нашего тезиса говорит и содержание современных баллад, воспевающих то же событие¹². Они, как и повествование *Доментiana*, исходят из одной и той же литературной темы, непосредственно воспроизведе-

¹² В. Ретрановић, *Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине*, Белград. 1867, II, 10.

денной в песнях, но сведенной в средневековом тексте к своей первооснове, что однако не смогло окончательно затушевать литературного происхождения данного повествования.

Следовательно, факт существования сербского поэтического эпоса в XIII веке, подтверждаемый и свидетельством *Доментиана*, весьма вероятен, ибо то, что теоретически утверждается автором, косвенно подкрепляется самим содержанием его произведения, основанного на эпических песнях, — эпизодом пострижения в монашество героя этого события.

Этот вывод представляется тем более верным, что прямые и косвенные указания, содержащиеся в произведении *Доментиана*, не являются единственными в своем роде или первыми в хронологическом порядке.

Летопись *Попа Дуклянина*¹³ является самым древним письменным повествовательным источником сербо-хорватов, который был составлен не позже второй половины XII века на латинском языке неким католическим священником *Дуклейской Епархии*, находившейся в области, названной впоследствии *Зета*. *Константин Жиречек*¹⁴ утверждает, что упомянутая летопись составленная на базе устных источников, опирается, главным образом, на эпические песни¹⁵.

Вот, что говорит об этом сам составитель летописи в предисловии к ней:

«Verum tamen nullus legentium credat, alia me scripsisse praeter ea, quae (15) a patribus nostris et antiquis senioribus veridicam naratione referre audivi» (16).

Более убедительным в этом отношении является само содержание этого сочинения:

Целая глава летописи¹⁷ повествует о войне, вспыхнувшей между болгарским царем *Самуилом* (970—1014) и *Владимиром*, правителем *Зеты*. Сведения, сообщаемые *Попом Дуклянином*, являются единственным источником, свидетельствующим об этом событии, и которые, в конечном итоге, сводится к следующему:

Занятие *Зеты* *Самуилом*, поражение *Владимира* и заключение его в темницу; сербский князь в неволе ожидает смерти, но его спасает *Косара*, дочь болгарского царя, которая просит отца выдать ее замуж за *Владимира*; наконец — возвращение *Владимира* в свои владения в качестве зятя царя *Самуила*.

¹³ F. Šišić, *Летопис Попа Дуклянина*, Белград, 1928.

¹⁴ *Op. cit.*, IV, 58.

¹⁵ Из текста, изданного Шишичем, были изъяты слова «[legi et]». Они отсутствуют в Ватиканской рукописи только в итальянском переводе Мауро Орбини. Переводчик, используя для своего перевода именно Ватиканскую рукопись, повидимому, сделал это добавление от себя.

¹⁶ *Op. cit.*, p. 212.

¹⁷ Глава XXXVI, указ. сит., стр. 331—342.

Было установлено¹⁸, что текст летописи предшествует агиографической легенде о *Владимире*¹⁹. Несомненно, в летописи содержится устное литературное предание, записанное *Попом Дуклянином*. Имея в виду то обстоятельство, что литературный текст излагает действительные факты, — а именно: поражение *Владимира* и последовавшее затем феодальное соглашение между ним и болгарским царем —, (в литературной обработке представлен данный факт как спасение жизни осужденного благодаря ходатайству девушки, пожелавшей взять его себе в мужья, мотив который находит себе подтверждение в западноюридическом обычае Средневековья), весьма вероятно, что литературное произведение, услышанное *Попом Дуклянином*, представляло собой эпическую песню.

Эта литературная тема встречается в южнославянском устном поэтическом творчестве. Мы находим ее в одной из бугарстик²⁰.

Более ценными для установления характера источников, на которых основываются эти летописи, являются сведения о битвах *Воислава* с византийцами²¹. Здесь описывается положение византийцев, окруженных сербским князем и его сыновьями, командовавшими различными частями сербских войск, затем поражение византийцев, в заключении говорится о воодушевлении полководцев, о жажде мщения; повествование заканчивается следующими словами:

«Golysavus non agnoscens patrem suum, quia pulvere et sanguine aspersi erant et alter non cognoscebant alterum irruit in patrem et ex equo in terram proiecit non tamen eum vulneravit. Tunc (pater) voce magna clamavit: «Bože pomiluj! Bože pomiluj!» quam statim filius ad vocem cognovit»

Литературный характер повествования вполне очевиден, так как в самом тексте повествования можно легко обнаружить обычные приемы южнославянской поэтики, а именно — поэтическую обработку факта поражения византийцев, представленного как борьба между двумя братьями, не узнающими друг друга. Эта тема передана как в сербском тексте, так и в византийской редакции, воспевающей битву при *Акройносе* (739)²², в новой поэтической ситуации — отец и сын.

¹⁸ *Ibidem*, p. 122—123.

¹⁹ St. Novaković, *Легенда о Владимир и Косари*, Белград, 1893.

²⁰ V. Bogišić, *Српске народне песме*, Бельград 1878, nr. 54; Повествование о Владимире и Косаре было обнаружено и в V. Jagić, *Aus den leben der serb. Volksepik*, «Arh. sl. Phil.» XIII, p. 632. фольклорных, (см. произведениях), но такого рода поэтические формы могли получить свое начало и от баллады А. Кашича-Миошича (*Stari pisci hrvatski*, vol. XXVI, Загреб, 1942, p. 152—7), т.к. известно, что его репертуар распространялся и устным путем.

²¹ Sisić, p. 250—251.

²² H. Grégoire, — *Etudes sur l'épique byzantine*, — «Revue des études grecques», XLVI, Париж, 1933, p. 50—52.

Категорические указания подобного рода, хотя и являются косвенными свидетельствами, подтверждают факт существования южнославянского эпоса во второй половине XII века, когда составлялась летопись *Попа Дуклянина*. Более убедительные доказательства можно почерпнуть из источников, которые до сих пор еще не были использованы.

Так, например, цистерцианский монах *Альберик* (ум. в 1241 году), проживавший в монастыре *Труа Фонтэн* во Франции (департамент Марна) составил между 1232—1241 гг. «Общую летопись»²³.

Вот как повествуется в ней о смерти латинского константинопольского императора *Бальдуина Фландрского*, который был захвачен румыно-болгарским царем *Ионицей*:

«Itaque in Bulgaria, que est inter Hungariam et Greciam, apud civitatem Ternoam regnavit quidam Johanicius Bulgarie et Blakarie domnus qui sibi nomen assumens imperatoris, imperatori Balduino et Latinis bellum indixit vel eos ad bellum provocavit. Contra quem Balduinus duxit exercitus, sed heu! dum insidias non precavit, captus est ab eo per dolum in paludibus aquosis, de quibus non possent exire, nisi tere indigene. Hic ergo ita captus cum sociis apud Ternoam fuit incarceratus. Unde de morte huius Balduini non affirmando, sed simpliciter refero quod a quodam presbitero flandrensi dicitur. Qui per civitatem Ternoam de Constantinopoli repatriando iter habuit, hec retulit quod uxor Iohanicii, dum ille alias intendit, misit imperatori ad carcerem verba suasoria dicens quod si eam in uxorem ducere et Constantinopolim vellet secum deducere, ipsum in instanti liberaret a carcere et captivitate. Que promissa dum ab imperatore fuissent repudiata et pro nichilo computata illa apud maritum suum usa est nova querimonia, dicens quod imperator ei promississet, quod eam Constantinopoli secum adduceret et imperatricem coronaret, si eum de illa captivitate liberavit. Ac sic dum Johanicius esset quodam sera ebrius, imperatorem adduci fecit, et coram se interfici, et ita de mandato eus imperator securi occiditur...»²⁴.

Это сообщение доказывает нечто большее чем литературный характер тех сведений, о которых слышал в *Тырнове* фландрский монах, называемый здесь *Альбериком*. Оно раскрывает те средства, при помощи которых было переработано библейское повествование о жене *Потифара*²⁵. Приведенный выше текст указывает, и на этот раз непосредственно, на наличие творческой эпической деятельности при дворе *Асанидов* в начале XIII столетия.

И действительно, в вышеупомянутом сообщении библейское повествование было изменено с тем, чтобы иметь возможность изложить факт убийства *Бальдуна Фландрского*.

²³ *Monumenta Historiae Germaniae*, «Scriptores», XXIII, Hanovra 1874, p. 674—950.

²⁴ Указ. сит., стр. 885.

²⁵ *Генезис* 39.

В повествовании о жене *Потифара* страстная любовь женщины была заменена желанием завладеть Константинополем, желанием, которое было свойственно средневековому болгарскому обществу.

Следовательно, эпическое искусство в начале XIII века практиковалось при дворе *Асанидов*. Его политическая направленность была обусловлена тогдашней обстановкой.

В другом свидетельстве, приведенном раньше²⁶, обращается внимание на позицию, занимаемую двором *Асанидов* по отношению к устной литературе того времени.

Роберт де Клари, летописец и участник завоевания *Византии* рыцарями в период IV-го крестового похода, повествует о встрече, состоявшейся между *Пьером де Браше*, послом латинского императора, и *Иеганом ли Блаксом*, в лагере последнего²⁷. Мы цитируем ниже следующий отрывок из этого текста:

« Sire, — говорил Ионица при этой встрече — nous nous merveillons molt de vo boine chevalerie, et si nous merveillons mout que vous estes qui en chest païs, qui de si longtaines teres estes, qui chi estes venu pour conquere terre. De n'aves vous, fissent-il, teres en vos païs dont vous puissiées warir? Et mesires Pierre respondi: Ba! fist-il, de n'aves vous oï comment Troies la grant du destruite ne par quel tor? Ba, ouil! fissent li Blak et li Commain, nous l'avons bien oï dire, mout a che ne fu!... »

Культурная жизнь румыно-болгарского царства, которое унаследовала блеск времен царя Симеона, требовала наравне с активизацией эпического творчества развития взаимообмена литературными ценностями с византийским миром.

И действительно, только византийский мир мог передать в устном повествовании в начале XIII века, а может быть и раньше, двору *Асанидов* и болгарскому миру роман о Трое компиляции *Диктиса* или же *Дареса*, ибо ни одна из латинских редакций того времени так рано не могла войти в обращение в пределах Балкан.

Таким образом факт, что в начале XIII века роман о Трое был известен при дворе *Асанидов* в устной византийской редакции. Этот факт объясняет появление византийских элементов эпического капитала в южнославянской поэзии.

В этой перспективе « *божана романка* »²⁸ — болгарский эпический персонаж, « фея, увенчанная листьями маслины »²⁹, которая появляется в « бугарстиках », или же — « фея, восседающая на скачущем олене, подгоняемом змеей », — о которой упоминалось *Пенчо Славейков*³⁰, как равно и многочис-

²⁶ Gh. I. Brătianu, — *Recherches sur Vicina et Cetatea Albă*, Бухарест, 1935, p. 140—143.

²⁷ *La conquête de Constantinople*, ed. par Philippe Lauer, Париж 1924, p. 101—102.

²⁸ A. Dozon, *Chants populaires bulgares*, Париж, 1875, nr. 17, st. 1 i 17.

²⁹ V. Bogișić, *op. cit.*, Nr. 48.

ленные « акритические » повествования, встречающиеся в южнославянском и, в особенности, в болгарском фольклоре, становятся ценным доказательством древности южнославянской эпической песни.

Другие документальные свидетельства дополняют общую картину источников южнославянской устной культуры XIII—XIV веков. Они наряду с упоминаемыми Робертом де Клари, разъясняют смысл и других южнославянских эпических стихов.

К. Жиречек³¹ обратил внимание на тот факт, что еще в 1262 году существовало слово *Шпильмань*, как общеупотребительный термин в тогдашнем языке, соответствующий смыслу византийского слова *μυσος*³².

Германские певцы *Spielmänner* в XI—XII веках часто посещали Балканский полуостров, ибо только таким образом можно понять, почему германское название приобрело в сербском языке той эпохи смысл «певца».

На основании этих документов можно объяснить появление в южнославянской устной народной поэзии *Ледтянграда*³³ — ледяного города, т.е. *Исландии*, где отпраздновал свою свадьбу Гунтер.

Многочисленные романские, франко-итальянские темы были обнаружены в южнославянском устно-поэтическом наследии, даже в самых древних эпических циклах, в стихах о Марко Кралевице, а также и в стихах коссовского цикла³⁴.

Культурные эпические связи между сербами, болгарами и западными народами были установлены на основании письменных свидетельств XIV и начала XV веков³⁵.

Тем не менее романское литературное влияние на южнославянский эпос рассматривается как явление, имевшее место в Далмации, не раньше второй половины XV века³⁶.

В отношении «*gesta kosoviana*» этот тезис ни в коем случае нельзя признать действительным, и в особенности в отношении поэзии Марко, которая зародилась в балладах Момчило.

Еще Макс Браун доказал³⁶, что даже первое сведение об этом событии, а именно — письмо русского дьякона Игнатия, (датированное июнем 1389 года,

³⁰ *La poésie populaire bulgare*, Sofia 1933, p. 27.

³¹ *O. cit.*, IV, p. 57.

³² V. Jagić, *Opisi i izvodi južnoslovenskih rukopisa, Krončaja ilovička godine 1262*, в «*Starine*», VI, Загреб, 1874, p. 41.

³³ Vuk Karadžić, *op. cit.*, II, nr. 29; T. Maretić, *op. cit.*, p. 206—8.

³⁴ T. Maretić, *op. cit.*, p. 191—236; N. Banašević, *Le cycle de Kosovo et les chansons de geste*, в «*Revue des études slaves*», VI, 1926, p. 224—44; *ibid.* Циклус Марка Кралевића и одијеци француско-талијанске витешке књижевности, Skoplje, 1935.

³⁵ «*Arch. für Slav. Phil.*» V, p. 468; Romania, VI, p. 257—60; «*Rešetarov*» Sbornik, Dubrovnik, 1925; «*Revue Internationale des Études Balcaniques*», I, p. 108—11.

³⁶ *K o s o v o*, Берлин 1938.

когда имела место памятная битва), исходит из поэтического произведения. В нем находим важнейшие данные по содержанию песни, записанной лишь в конце XVII века. Этот факт свидетельствует о том, что поэтическое предание о битве на *Коссовом Поле* с его художественными особенностями, зародилось вскоре после этого события, в литературном оформлении западного происхождения.

Приведенный ниже отрывок из сочинения *Никифора Грегораса* дает необходимое объяснение и разрешение этого вопроса.

Византийский писатель сообщает при описании своего путешествия ко двору короля *Стефана Дечанского*, имевшего место в 1328 году, следующие сведения о войне этого короля с болгарским царем *Михаилом* ³⁷:

... ὁ Κράλης τὰς ἑαυτοῦ τάξεις ἐρρώμένως παρακλευσάμενος μάχεσθαι, ὁ δ' ἐπὶ τὴν τοῦ Μιχαήλου σημαίαν ἐκτρέχει, ἔχων περὶ αὐτὸν χιλίους ἱππέας κελτοὺς μεγέθει τὸ σώματος καὶ ῥώμης περιουσία καὶ ὅπλων ἐμπειρίᾳ πολεμικῶν κράτιστα ἡσκημένους τε καὶ ἐσκευασμένους.

«Тысяча кельтских всадников» безусловно были французскими рыцарями, как это вполне правильно понял *Г. Луккари* ³⁸, так как Никифор Грегорас отождествляет и на страницах других своих сочинений ³⁹ кельтов с галлами, и *Галлию* с *Францией*.

Присутствие столь большой группы французских рыцарей при дворе *Неманидов* в 1328 году предполагает развитие здесь эпического искусства, так как эпика являлась характерной особенностью западного рыцарства. Бесспорно, что и французские рыцари при дворе Неманидов были «весьма чувствительны к народным песням и культивировали *«vulgares cantus»*, так поступали по свидетельству *Раймона д'Аржиля*, и рыцари первого крестового похода ⁴⁰.

Можно установить, какие именно черты являются специфически славянскими в феодальной эпике, если рассматривать их с точки зрения характерных особенностей славянской песни. На это указывают и письменные свидетельства *Прокопия*, *Феофилакта Симоката* и др., и историко-критические исследования болгарского и сербского поэтического материала.

В заключении мы хотим подчеркнуть тот факт, что эпоха, когда создавалось устное творчество, из которого впоследствии зародился южно-

³⁷ Nicephorus Gregoras, IX, 12, ed. Bonn, p. 455.

³⁸ Copioso ristretto degli annali di Rausa, Venetia, 1605, p. 48—49.

³⁹ Op. cit. IV, 7, 1.

⁴⁰ N. Iorga, *Les narrateurs de la première croisade*, в «Revue historique du Sud-Est européen», V, 1928, p. 1.

славянский эпос в дошедших до нас формах, гораздо древнее XIII века, на протяжении которого несомненно культивировалось при дворах феодалов эпическое искусство. За пределами этого века мы встречаем на Балканах германских миннезенгеров и сильное влияние византийского и греческого эпоса, позднейшее наслоение которого надо ставить в связь с появлением павликан во Фракии (VIII—X вв.). Поэтический материал представляет собой единственный источник для разрешения вопроса о древности и происхождении южнославянского устного эпоса.